время показал Д. С. Лихачев, Повесть существенно отличается от сочинений о пьянстве: она рисует молодца сочувственными красками, а не кающимся грешником. По сюжету Повесть иногда сближали с евангельской притчей о блудном сыне. Эту мысль старается развить французский ученый А. Мазон, возводя происхождение памятника к евангельскому тексту (74). В вопросе о книжном влиянии на Повесть о Горе-Злочастии исследователи проявляют единство в сближении начала ее с библейским сказанием о грехопадении Адама и Евы. Книжно-религиозное вступление настолько резко отличается от всей стилистической канвы текста, что его (вступление) рассматривали как позднейшую приписку. Попытку опровергнуть эту традиционную точку зрения сделал Лихачев. Он считает, что вступление, повествующее о нарушении божеской заповеди первыми людьми, является органическим началом дальнейшего рассказа о нарушении героем заповеди семейно-бытового уклада русской жизни XVII века, поэтому цельность композиции Повести о Горе-Злочастии несомненна.

Вопросы стиля и языка этого произведения стали разрабатываться в советский период, кроме обстоятельной работы Ржиги, в последние годы. Текст Повести содержит в себе так называемые «темные места». До 1944 года, когда появилась статья А. С. Львова «Темные места в „Повести о Горе-Злочастии“» (65), их расшифровка имела чисто случайный характер сносок и комментариев. Хотя работа Львова выясняет значения всего лишь 8 «темных мест», она представляет серьезное начинание в этом направлении. Отдельным сторонам языка Повести о Горе-Злочастии посвящены два исследования последних лет: статья В. П. Воробьева «Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века», 1948 г. (70), и диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. К. Давыдовой «Лексика Повести о Горе-Злочастии», 1953 г. (75). Весьма ценным достижением этих исследований представляется их тенденция к неразрывной связи языка памятника с его стилем и содержанием.

Итак, изучение Повести о Горе-Злочастии еще далеко до своего завершения. В некоторых вопросах оно только начинается. Относительно решенными можно считать следующие вопросы:

- 1) датировка написания и списка памятника,
- 2) литературное происхождение его,
- 3) связь Повести с народными песнями о Горе,
- 4) возведение начала Повести к библейскому тексту о грехопадении Адама и Евы.

Задачи, в данное время стоящие перед исследователями в деле изучения Повести о Горе-Злочастии:

- 1) характеристика образа доброго молодца и образа Гора-Злочастия (происхождение, трактовка),
- 2) детальная разработка вопроса о взаимоотношении повести и фольклора,
- 3) книжные заимствования в памятнике,
- 4) проблемы «темных мест»,
- 5) всестороннее изучение стиля и языка Повести, недавно начатое.

Библиография Повести о Горе-Злочастии

1. Издания

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин». Нач.: «Изволением господа бога и спаса», по ркп. ГПБ, Погод. № 1773, XVIII в.